

Большой театр начинает новый сезон — 5-й в XXI веке и 230-й от основания. Time Out представляет пятерых отважных дебютанток Большого. Следите за этими девушками — приходит их время.

Для каждого времени у Большого театра находится своя прима. А еще в театре 93 танцовщицы кордебалета. Ктото из них станет балериной, пройдя по длинной карьерной лестнице, кто-то доберется лишь до ее середины, застряв в солистах. Time Out Москва делает ставку на пятерых дебютанток.

ФРАНЦУЗСКАЯ КУКЛА **АНАСТАСИЯ КУРКОВА**

Второй акт "Щелкунчика". Грызуны уже побеждены, расколдованный принц приносит Маше на кончике шпаги корону Мышиного короля. Сказочный народ празднует победу, и — вслед за испанскими, индийскими, русскими — выходят французские куклы, пастушок и пастушка.

В классическом балете ничего не бывает просто так — в пестренькой обертке всегда спрятан тайный смысл. Балет начинался во Франции, там его в XVII веке изобрели, в XVIII — лелеяли и украшали. И пастушки на самом деле — экзамен. Потому что в этом танце — намек на надменную аккуратность французской школы (до сих пор лучшей в мире), на ее восхитительное пижонство, фарфоровое кокетство безупречной техники. Сумеешь хотя бы сыграть французскую балерину — будешь балериной русской. Сумеет театр сохранить прошлое, выставив пару дебютантов "во французов", — и будет у него будущее.

Во Французской кукле Насти Курковой есть вот это дыхание старины, та великая традиция, которой пропоет оду любой балетный артист. Вот так — взгляните — мы делаем port de bras, вот так мы постукиваем ножкой 400 лет подряд. И никому дела нет, что в прошлом у девушки не какая-нибудь именитая школа, в которой буфет помнит великих балерин девчонками, а новодельный Университет Натальи Нестеровой. В 2001 году Куркова получила на московском конкурсе третью премию, через год закончила школу и с тех пор собирает в свой репертуар коллекцию обаятельных, чуть лукавых и строго выточенных маленьких ролей — фею Нежности в "Спящей красавице", например. "Спящую", как известно, поставил француз Петипа, а француз Пьер Лакотт пять лет назад сочинил по мотивам Петипа специально для Большого "Дочь фараона", в которой у Курковой сейчас первая вариация в pas d'action, одна из самых замысловатых в спектакле. И будущее Насти наверняка должно пойти по "французской тропинке" — быть может, к роли самой Аспиччи, ожившей дочери фараона.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ДРИАД **ЮЛИЯ ГРЕБЕНЩИКОВА**

Позапрошлое столетие — главное достояние русского балета и главный его миф. Мариус Иванович Петипа перебрался в середине века в Россию, полсотни лет кроил и шил спектакли и набил коробочку доверху. Нынче примерно 96 процентов балетных убеждены, что в принципе можно прожить без любой другой одежды: на "Лебедином" всегда будет аншлаг, на "Баядерке" и "Раймонде" — тоже. Между тем именно от лекал Петипа мало что осталось в современном репертуаре: его правила и переделывали. Остался миф, остались редакции, стилизации и фантазии на тему. Одна из самых занятных — "Дон Кихот" Александра Горского. Он переделывал "Дон Кихота" в 1900-м, еще при жизни Петипа, и в числе прочего разравнивал сложность его ансамблей. У старого мэтра в его единственном московском спектакле группы танцовщиц клубились, завивались кружевами, переплетались золотой нитью, как улочки древней столицы, — у Горского прорезались мощные линии, как будто предчувствующие появление Нового Арбата. Сейчас главное в "Дон Кихоте" — соревнование в размахе и высоте прыжка двух балерин: одна из них — в главной роли Китри, другая — во второстепенной роли Повелительницы дриад. Они подряд проходят прыжковую диагональ, будто машины несутся из Кремля, и не дай бог министру обогнать президента. Но соблазн велик, азарт играет, и, когда роль Повелительницы получает новая девочка, все собираются взглянуть на эти гонки. А Юлия Гребенщикова (школа закончена два года назад, на сцене Юлия появляется еще в тройке больших лебедей да в крохотной роли эльфа Душистый Горошек во "Сне в летнюю ночь") берет и от гонок отказывается. Ни с кем не соревнуется, сосредотачивается на себе, ни в какие номенклатурные игры не играет и танцует так, будто воздушная карета пролетает над брусчаткой. Мариус Иванович бы одобрил.

ЛЮБОВНИЦА МАГРИТТА

НЕЛЛИ КОБАХИДЗЕ

Теперь люди из Большого уезжают не насовсем — наработавшись за границей, возвращаются. У руля Большого балета — Алексей Ратманский, сделавший карьеру танцовщика в дальних странах (Канада, Дания). Он приглашает ставить спектакли Юрия Посохова, прежде танцевавшего в Большом, а ныне царствующего в балете Сан-Франциско. В этом сезоне грядет его "Золушка"; начиналось же все с "Магриттомании". И в ней проявилась Нелли Кобахидзе.

То есть она и раньше была в Большом — после школы, законченной четыре года назад, тихо плыла по сцене в "Шопениане", старалась не порвать текучесть танца феи Нежности в "Спящей красавице", аккуратно оттеняла солистку во второй части "Симфонии до-мажор". Что-то в классике удавалось, что-то не очень — в основном хорошая, качественная работа, но без триумфов и революций. А вот "Магриттомания" будто дернула девушку за руку и вытащила на свет — мол, взгляните, братцы, у вас растет балерина.

Посохов поставил вольные вариации на тему магриттовских картин, в центре — дуэт по мотивам "Любовников" (помните, на холсте целуются мужчина и женщина, а лица у них замотаны тряпками, так губы и врезаются друг в друга — сквозь ткань). Дуэт получился надрывный, дерзко-чувственный — и Кобахидзе в прозрачном платке, закрывающем лицо, кажется совершеннейшим сфинксом, загадывающим партнеру смертельные

загадки. Человек будто выбежал на минутку из офиса — в деловом костюме, вот только пиджак, видимо, забыл на стуле — и, как морок, как платок на лицо, на него кто-то швырнул эту влюбленность. В придуманной Посоховым пластике срослись воспоминания о вечной классике в русском ее варианте и неоклассике американской. И на этом языке, только сейчас становящемся своим для Большого театра, Кобахидзе заговорила первой.

МИСС ЕВРОПА

ЕКАТЕРИНА КРЫСАНОВА

Балеты мариинского танцовщика Георгия Баланчивадзе, в двадцать лет сбежавшего из нэпманской России и ставшего великим американским хореографом Джорджем Баланчиным, ставятся во всех значимых театрах мира. В Москве единственная программа Баланчина идет непросто, кряхтя и прихрамывая. "Симфония" по жанру — парадный портрет труппы, в ее четырех частях четыре пары артистов должны представить весь спектр актерских амплуа, от обреченно-томного лебедя до хлесткой завоевательницы, вертящейся быстрее электродрели. Старшее поколение балерин и премьеров — те, кто впервые танцевал этот спектакль шесть лет назад, — то рушится с травмами, то уезжает на гастроли. Приходится срочно латать прорехи в пейзаже. Слишком часто замены бывают неудачными, и спектакль перекашивается. Но Екатерина Крысанова, примерившая подряд главные партии в третьей (звездной, той, что в Большом обычно танцует Мария Александрова, а в Мариинке — Диана Вишнева) и четвертой (бешено вращающейся) частях, вписалась в картинку так, словно всегда в ней была. При этом не только в "белом", парадном Баланчине, но и в "Агоне", и в Баланчине "черном", позднем, где никаких пачек, на девушках лишь черные купальники, а в графике поз — вызов, тревога и самодостаточная сексуальность.

Может быть, потому, что взрывающийся темпераментом танец Крысановой легок и очень строг. Она не впрессовывает зрителя в кресло своей харизмой, а просто рисует ногами в воздухе узоры. Вы можете выбирать — смотреть на нее или нет (все равно не оторветесь, даже если на сцене будут более важные персонажи). Это танец современного города, где людям приходится учиться не навязывать свою жизнь другим, чтобы не превращать общее существование в ад. Должно быть, именно это качество Екатерины покорило подряд и жюри Вагановского конкурса в 2002-м (третья премия), и двух московских (в 2001-м она взяла третью премию в младшей группе, в этом году — вторую в старшей). И, должно быть, первые две победы заставили московское училище обратить внимание на девочку, занимавшуюся в частной школе Михаила Лавровского, и милостиво перевести ее к себе на последний — выпускной — год. Присущая ей цивилизованность дает балерине шанс в нынешнем Большом, изо всех сил старающемся стать европейским театром.

МАГНОЛИЯ

ОЛЬГА СТЕБЛЕЦОВА

В 1977 году балетмейстер Генрих Майоров решил вспомнить о золотом веке танца и поставил "Чиполлино". Он сотворил дайджест всех классических балетов, предназначенный специально для детей. И возник спектакль про луковую революцию, в котором просвечивают то "Раймонда", то "Дон Кихот". Стеблецовой в прошлом сезоне досталась в нем роль Магнолии — подружки графа Вишенки, предавшего интересы

своего класса и пособившего Чиполлино в освобождении народа от власти принца Лимона. Ясно, что если дети затоскуют на первом балете в своей жизни, то будут сопротивляться следующим походам. То есть на "Чиполлино" надо поддержать честь театра и убедить-таки мелкий народ, что вот в это странное зрелище стоит влюбиться. Закончив школу четыре года назад и получив пока что одну-единственную большую партию — вот эту, Стеблецова играет в Магнолии всех императорских балерин, величественных и взбалмошных, хрупких и гордых. Она обещает детям: придете в следующий раз — будет интересней. Те, кто поддастся на ее уговоры и уже сам вытащит родителей на взрослые спектакли, торжествующе узнают ее в ролях Невы в "Дочери фараона", Индийской куклы в "Щелкунчике" и Неаполитанской невесты в "Лебедином". И скажут: она обещание выполнила.